

"Мы... С нами все будет в порядке?" Ты в порядке, - вот что он хотел спросить на самом деле. Нам придется бежать с планеты? Тебя убьют, а мы с мамой снова окажемся в рабстве? Энакин не мог не почувствовать искру гнева. Если его отец был достаточно силен, чтобы уничтожить сразу столько людей и при этом ни разу не пострадать, то, конечно, он мог бы найти способ спасти Энакина так, чтобы никто не заметил. Если бы он это сделал, то им не пришлось бы сейчас спасаться бегством.

"Я буду защищать тебя", - пообещал отец. "Пока я здесь, с тобой ничего не случится".

Это снова говорил его отец, его настоящий отец, и Энакин почувствовал огромное облегчение, услышав в его голосе ту яростную защиту, которую он так любил.

По дороге домой Энакин немного успокоился. Он все еще был скован, но он был в гонщике, ветер дул ему в лицо, они ехали так быстро, и он чувствовал себя в своей стихии. На подъезде к городу они замедлили ход, и Энакину удалось спросить, что случилось с его друзьями.

"Тви'лек должен благополучно добраться до дома", - ответил его отец. "Марвин умер, прежде чем я смог добраться до него".

Это было похоже на удар в живот, но, если честно, он должен был признать, что уже ожидал чего-то подобного. Кроме того, он понял, что отец спас сегодня не только его свободу. Джабба был худшим из Хаттов и уж точно не отличался состраданием к рабам. Энакин не смог бы долго продержаться под его ударами, если бы не его нынешнее отношение. Нет, для него не имело значения, что отец сделал с этими преступниками, чтобы спасти его. Он сделал то, что было необходимо. Нет, не необходимо. Даже не справедливо и не честно, но... Но он сделал это ради него, и Энакин не мог не почувствовать крошечную искорку счастья от того, что отец зашел так далеко, чтобы спасти его.

Они подъехали к своему дому.

"Это... Это хороший гонщик", - несколько неуверенно сказал Энакин, чтобы заполнить неловкое молчание, пока они выбирались из капсулы.

Отец посмотрел на него с редким намеком на удивление и, смеет надеяться, теплоту.

"Она ваша", - сказал он.

Энакин уставился на него. Он был уверен, что ослышался. "Что?"

Его отец пожал плечами. Этот жест показался ему странно человеческим и неуместным. "Это должен был быть твой подарок на день рождения". Его взгляд блуждал по капсуле, которую, как Энакин сразу понял, он построил сам.

"Простите, что я так задержалась".

Он имел в виду не только день рождения.

Энакин покачал головой и шагнул к нему. "Все в порядке", - пробормотал он и осторожно, наполовину ожидая, что тот отвернется, обнял отца, зарывшись лицом в его живот.

"Спасибо", - прошептал он, захлебываясь слезами.

Прошла секунда, потом две, а потом отец обнял его, сначала нерешительно, а потом яростно, поднял его так, что лицо Энакина скрылось в каштановых кудрях, и понес в дом.

Энакин не переставал всхлипывать, пока не лег в свою постель.

ХхХ

Три дня спустя

Дарт Вейдер ввел координаты в навигатор, готовясь к прыжку в гиперпространство. Уголком глаза он взглянул на Энакина. Мальчик был необычайно тихим. Как и Шми, но его мать никогда не была многословной женщиной.

Как только рассвело, Вейдер забрал мать и младшего себя, усадил их в свой звездолет и менее чем через час поднялся в космос. Им нужно было убраться подальше от этой планеты и от бесчисленных приспешников хаттов, охотящихся за ними. Потребовалось несколько дней, чтобы слухи распространились, но в конце концов все стало известно. Таттуин больше не был для них безопасен. К счастью, оба они понимали это и не создавали никаких проблем. Шми была просто рада, что оба ее сына вернулись в целостности и сохранности. Она знала, что опасность еще не совсем миновала, и поэтому изо всех сил старалась не мешать, просто тихо сидела на месте. Вряд ли ей было чем заняться. Звездный истребитель был рассчитан на одного пилота, и места для прогулок было не так уж много.

Но Энакин ожидал, что тот будет любоваться звездами, удивляться механизмам и задавать бесчисленные вопросы о том, как управлять звездолетом. Именно так он поступил бы в своем возрасте.

Но, возможно, его все еще трясло от увиденного вчера. Вейдер не планировал, что он это увидит, но, почувствовав его присутствие, тоже не остановился. Рано или поздно Энакину пришлось бы смириться с тем, кем он был и что делал. Ему придется смириться с выбором, который он сделал. Вопрос был лишь в том, сколько ему придется рассказать, чтобы он понял.

"Куда мы направляемся?" - наконец тихо спросила его мать,

"В Маластаре", - коротко ответил Вейдер.

"Где это?" - спросил Энакин, а затем добавил с ноткой гнева: "Это то место, где мы будем жить впредь?"

"Это в Средней полосе", - сказал Вейдер, все так же спокойно. "И нет, мы там надолго не задержимся".

"Так вот как будет выглядеть наша жизнь впредь", - с горечью пробормотал Энакин. "Всегда в бегах!"

"Ани!" - резко окликнула его Шми, и мальчик пригнул голову, но из его глаз не ушло ни капли непокорности.

"Я никогда не бегу", - мрачно сказал Вейдер. "В этом нет необходимости".

"Тогда куда мы идем?"

Вейдеру пришлось напомнить себе, что Энакину было всего восемь лет. Он был всего лишь ребенком, только что потерял хорошего друга и увидел свою первую резню. Он был зол на собственную беспомощность, растерян, потому что его отец оказался не тем, за кого он его принимал, и в какой-то степени, вероятно, тоже боялся Вейдера. Он заставил себя вспомнить об этом и успокоить раздражение. Всех остальных, кто разговаривал с ним в таком тоне, он бы уже держал в душающем захвате.

"Куда вы хотите отправиться?" - спросил он вместо этого. Штурман закончил расчеты, но еще не нажал на кнопку.

"Что вы имеете в виду?"

"Если бы вы могли отправиться куда угодно, куда бы вы хотели отправиться?"

"На Таттуин", - упрямо ответил Энакин. "Там сухо и песчано, и мне это не нравится, но это мой дом, и мне не нравится, что нас гонят прочь от него! I... Я всегда думал, что, когда я однажды покину планету, это будет моим собственным решением, а теперь... теперь...!"

Вейдер внимательно наблюдал за ним, мысленно перебирая Энакина, оценивая его эмоции и пытаясь понять, что он на самом деле имел в виду. Он пытался вспомнить, каким он был в том возрасте и что заставило его покинуть Таттуин в одиночку, когда джедаи не были единственным способом вырваться из рабства. Он понял, что это была мысль о том, что кто-то диктует ему жизнь, заставляет что-то делать, не спрашивая, что он об этом думает. То, что эти люди были преступниками и жаждали его крови, только усугубляло ситуацию. На самом деле Энакин был расстроен, потому что у него не было выбора.

Дарт Вейдер снова обернулся.

<http://tl.rulate.ru/book/103150/3573845>